

А.Б. Галкин

Тарас Бульба

ТАРАС БУЛЬБА — герой повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». Исторические прототипы образа Тараса Бульбы — выдающиеся деятели национально-освободительного движения Украины ХУ–ХУП вв.: Наливайко, Лобода, Тарас Трясыло, Гуня, Острианица. Некоторые биографические черты связывают Тараса Бульбу и Богдана Хмельницкого. Однако Тарас Бульба — собирательный образ, и главным источником служил Гоголю фольклор: украинские народные песни и думы, исторические песни, героические былины и сказки о богатырях.

Образ Тараса Бульбы эпичен, героичен и масштабен. Его судьба разворачивается на фоне грозных исторических событий — борьбы Запорожской вольницы против польской шляхты, турецкого и татарского владычества. Тарас Бульба — тип положительного героя, ибо он неотъемлемая часть родового единства казачьего братства; его поступками в основном руководит кодекс рыцарской чести; он сражается и умирает во имя интересов Русской земли и православной веры; в нем «широкая, разгульная замашка русской природы». Положительное начало образа Тараса Бульбы уравнивает безыдеальность образов «уродов» и «существователей» (Гоголь создает образ Тараса Бульбы одновременно с работой над «Мертвыми душами»). В образе Тараса Бульбы идея товарищества, скрепляющая стихию коллектива, противостоит эгоизму отрешенной индивидуальности, а утопическая республика Запорожской Сечи с ее свободой, равенством, братством противопоставлена узости, мелочности, преклонению перед чинами и капиталом холодного и бездушного Петербурга (Г. Гуковский).

Портрет Тараса Бульбы гиперболичен. Богатырская сила, телесная мощь, суровость и прямолинейность, чуждая всякому лукавству, составляют основу облика Тараса: «Бульба вскочил на своего Черта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Тарас был чрезвычайно тяжел и толст»; «... навесил он еще ниже на очи свои хмурые, исчерна-белые брови, подобные кустам, выросшим по высокому темени горы, которых верхушки вплоть занес иглистый северный иней»; «весь он был создан для бранной тревоги и отличался грубой прямоотой своего нрава». Широта и могучий размах Тараса Бульбы в пиршестве и ратном деле приобретают былинные, грандиозно-стихийные черты: «Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков, тащи нам всего барана, козу давай, меда сорокалетние! Да горелки побольше, не с выдумками горелки, не с изюмом и всякими вытребеньками, а чистой, пенной горелки, чтобы играла и шипела, как бешеная». Тарас Бульба в гневе колотит горшки и фляжки. В пылу боя «рубится и бьется Тарас, сыплет гостинцы тому и другому на голову ... рубя в капусту встречных и поперечных». Раненый, Тарас Бульба грохнулся, «как подрубленный дуб, на землю». «А тем временем набежала вдруг ватага и схватила его под могучие плечи. Двинулся было он всеми членами, но уже не посыпались на землю, как бывало прежде, схватившие его гайдуки. < ... > Но не старость была виною: сила одолела силу. Мало не тридцать человек повисло у него по рукам и ногам». Образ Тараса Бульбы неоднозначен: ему свойственны жестокость и коварство, считающиеся этической нормой в XV–XVII вв. Тарас Бульба низлагает кошевого, отказавшегося нарушить клятву и возобновить войну, только потому, что два сына Тараса Бульбы должны закалиться в боях. Тарас Бульба напоил казаков, подговорил их устроить общий сбор, и хмельные казаки, по наущению Тараса Бульбы, сместили кошевого, выбрав угодного Тарасу Бульбе Кирдягу. После казни Остапа Тарас Бульба мстит шляхте, справляет «поминки» по сыну: грабит замки, выжигает 18 местечек, костелы: ««Ничего не жалеите!» — повторял только Тарас. Не уважили казаки чернобровых панянок,

белогрудых, светлоликих девиц; у самых алтарей не могли спастись они: зажигал их Тарас вместе с алтарями < ... > не внимали ничему жестокие казаки и, поднимая копьями с улиц младенцев их, кидали к ним же в пламя».

В образе Тараса Бульбы сливаются две стилевые стихии гоголевского повествования: историческая конкретность и реализм изображения грубого века, когда обоюдная свирепость казаков и поляков — обычное явление, и, с другой стороны, торжественно-лирический пафос народно-поэтического эпоса, смысл которого — апофеоз богатырской мощи Русской земли. Сыноубийство мотивировано предательством и изменой Андрия Русской земле и православной вере, следовательно, этически оправданно: «“Так продать? продать веру? продать своих? < ... > Я тебя породил, я тебя и убью!” — сказал Тарас...» Гоголь переосмысливает библейский мотив жертвоприношения Авраама: Андрий (жертвенный агнец Исаак) не спасен Богом, а Тарас Бульба (ветхозаветный Авраам) приносит его в жертву православии: «как молодой барашек, почувавший под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова». В противоположность изменнику Андрию Остап, другой сын Тараса Бульбы, распят мучителями на эшафоте за веру, подобно Христу («Остап выносил терзания и пытки, как исполин»). Тарас Бульба «стоял в толпе, потупив голову и в то же время гордо приподняв очи, и одобрительно только говорил: “Добре, сынку, добре!”». Отцеоставленность Остапа и его крик, подобный воплю Христа на кресте: «Батько! где ты? Слышишь ли ты?» (ср.: «Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?» — Матф., 27:46) рождает ответный возглас Тараса Бульбы (как бы ответ Бога умирающим за него верным христианам): «Слышу!» (М. Вайскопф). Таким образом, эпическое единство образа Тараса Бульбы раздваивается в образах его сыновей. Образ Остапа воплощает идею неразрывной связи с родовым телом, верность рыцарской чести и Отечеству, образ Андрия — идею отпадения, эгоистической разобщенности людей, отрыва от целого: коллектива, народа, Бога (мотив грехопадения), что характерно для современной Гоголю европейской цивилизации (ср. критику последней в «Мертвых душах» и петербургских повестях). Кривая битва — стихия Тараса Бульбы. В ней звучит мотив смертного пиршества, как в «Слове о полку Игореве». Смерть витязей за Отечество угодна Богу («И вылетела молодая душа. Подняли ее ангелы под руки и понесли к небесам»). Казаки, следовательно, предстают Божьим воинством, и крылатые слова Тараса Бульбы, подбадривающие их («Есть ли еще порох в пороховницах? Крепка ли еще казацкая сила? Не гнутся ли еще казаки?»), есть слова «наказного атамана», поставленного Божьим промыслом во славу Русской земли. Русская земля приобретает в понимании Гоголя мессианский смысл. Гибель Тараса Бульбы сохраняет тот же высокий христианский пафос, хоть и снижена юмористическим мотивом потерянной Тарасом люльки: «И нагнулся старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком, неотлучную спутницу на морях и на суше, и в походах, и дома». Поляки сжигают Тараса Бульбу на огне, распиная на древесном стволе (ср. традиционный христианский символ древа-креста): «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!»